

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ

- *Логико-методологическое обоснование кросскультурных исследований*
  - *Топическое определение философии*
  - *Философия языка Мориса Мерло-Понти: направления эволюции*
  - *Учение И. Канта об универсальном характере природы человека и его значение для выявления статуса философии истории в трансцендентально-критической системе*
  - *Критика кантовского понятия вещи в себе в философии С. Маймона*
-

УДК 167:168+130.2

Логико-методологическое обоснование кросскультурных исследований

С. В. Воробьева, кандидат философских наук, доцент*

А. А. Легчилин, кандидат философских наук, доцент**

В статье обосновываются конструктивные свойства методологии кросскультурного исследования. Осуществлен обзор научных проектов, в рамках которых разработан ее инвариант. Реконструированы логико-методологические основания кросскультурного исследования как конструктивного процесса, характеризующего заменой аналоговых (метафорических) процедур дискретными правилами.

Ключевые слова: кросскультурные научные проекты, кросситуативность, предмет кросскультурного исследования, функциональное отношение, наблюдатель, кроссированный субъект, кросскультурный менеджмент, кроссовые модели аргументации.

Logical and Methodological Reasons of Cross-Cultural Studies

S. V. Vorobjova, PhD in Philosophy, Associate Professor.

A. A. Liahchilin, PhD in Philosophy, Associate Professor.

The article substantiates constructive properties of methodology of cross-cultural studies. An overview of research projects which developed the invariant of this methodology was implemented. Logical and methodological foundations of the cross-cultural studies was reconstructed as a constructive process, characterized by replacing analog (metaphorical) procedures to discrete rules.

Keywords: cross-cultural research projects, cross-situational, the subject of cross-cultural research, functional relationship, observer, crossover subject, cross-cultural management, cross-over models of argumentation.

Разработка теоретических оснований любого научного подхода, включая кросскультурный, предполагает логико-методологическое обоснование его конструктивных возможностей. Для этого следует разграничить, с одной стороны, метафорический подход к кросскультурным исследованиям, который представляет собой концептуальный образ идеи, с другой — методологический подход к вопросу о реальном применении кросскультурных методов исследования в социальных науках, гарантированный наличием аналитического аппарата. Обратимся к научным проектам, в рамках которых был реализован кросскультурный подход как кон-

цептуальная идея, и реконструируем его логико-методологические основания.

С прикладной точки зрения любая методология является следствием инвариантности ее использования в научных исследованиях. Кросскультурный подход в социально-гуманитарных исследованиях реализован, и довольно успешно. Ряд научных проектов (историко-философская компаративистика, культурная лингвистика, теория аргументации и др.) демонстрирует конкретные методологические схемы кросскультурного исследования, связанные, например, с определением его объекта и предмета.

Предметом компаративистики в истории философии, согласно П.-Т. Раджу, является сравнительное исследование понятийного аппарата, ти-

---

* Доцент кафедры философии культуры ФФСН БГУ.

** Заведующий кафедрой философии культуры ФФСН БГУ.

пов менталитета, моделей рациональности в различных философских культурах и направлениях [1, с. 13]. Его коммуникативная специфика определяется контактом или встречей дефиниций, идей, концепций и пр. Поэтому инструментальный базис компаративистики, по мнению П.-Т. Раджу, составляют «аналоги и параллели, диалог и полилог» [1, с. 52]. Подобный подход, обеспечивая кросскультурное соотнесение, способствует проникновению в сущность (идентичность) в контексте обращенности к иному с включением любых форм центризма.

Результатом соотнесения выступает выявление способов поддержания идентичности философской традиции, или условий повторяемости (механизмов воспроизводства). Способы поддержания идентичности являются кросситуативными. Кросситуативность явлений означает их исчислимость определенным количеством постоянных категориальных единиц. В частности в компаративистике способ поддержания идентичности может исчисляться тремя постоянными: концептуальными структурами языка, инвариантностью стиля и независимостью от ситуационного контекста. Примером могут служить результаты историко-логических исследований В. Ф. Беркова, А. А. Легчилина и Я. С. Яскевич, выявивших способы поддержания идентичности логической традиции в Беларуси [См.: 2, 3].

Предметом кросскультурных исследований в антропологии и культурной психологии являются этнокультуральные аспекты поведения человека, социальной группы, этноса. В частности, Г. Гардинер пишет: «Кросскультурное изучение развития человека сосредоточено на чертах культурного сходства и различия в процессе развития и на его результате, выраженном в поведении индивидов и групп. <...> Сегодня более чем когда-либо существует настоятельная потребность в осознании и оценке роли культурного многообразия в развитии человека» [4, с. 175]. Б. Шнайдерман более радикален. Подчеркивая неустранимость различий в культуре, он отмечает: «Тот, кто стремится стереть культурные различия и создать общество, в котором не существует чужеродность, идет к отчуждению. Моральное отрицание чужеродности — это расизм» [5, с. 14].

В результате кросскультурных исследований в антропологии и культурной психологии изменилась методика оценок. Культурные различия необходимо оценивать только как контекстуальные функции, но не как соответствие или несоответствие каким-либо установкам или схемам. Э. Гуссерль предостерегал, что «когда человек, воспитанный в духе созданного в Греции и развитого

в Новое время научного образа мышления, начинает говорить об индийской и китайской философии и науке (астрономии, математике)», он «по-европейски интерпретирует Индию, Вавилон, Китай» [6, с. 115].

Исследовательские проекты в области ментального и логико-когнитивного моделирования делают акцент на культурологическом контексте процесса формирования сознания и когнитивных способностей человека. Результативность подобного моделирования заключается в выявлении устойчивых (постоянных) структур, или схем, определяющих особенности личности, которые варьируют в зависимости от контекстов и восприятий. «Весь окружающий нас мир связан с набором понятий, или ментальных представлений, — рассуждает С. Холл. — Важно то, что эти понятия не являются случайным набором, а представляют собой упорядоченную, определенным образом классифицированную систему отношений, или концептуальную карту». Похожестью друг на друга концептуальных карт объясняется сходство интерпретаций, что означает, в соответствии с его точкой зрения, «принадлежность к одной культуре» [7, р. 14]. Но концептуальные карты отличаются друг от друга, например, по степени полезности или точности. Поэтому недопустимо, согласно К. Ллойдю, «игнорирование культурных, когнитивных и семантических переменных величин» [8, с. 12].

Благодаря концепциям культурной лингвистики Э. Холла, ментальных программ Г. Хофстеде, операциональных параметров культуры Ф. Клакхона и Ф. Стробека был осуществлен поворот от изучения коммуникативных неудач и их последствий к системному исследованию межкультурных различий, обуславливающих эффективность коммуникации. Э. Холл обосновал идею обусловленности различий в поведении различиями в способах контекстуализации [См.: 9]. Г. Хофстеде построил классификацию ценностных ориентиров, позволяющую конструировать картину культуры индивида, группы людей или целого народа. Специфика картины зависит от степени проявления каждого параметра ценностного ориентира, задаваемого функциональным отношением. Основными типами отношений являются: 1) отношение к недостаточной структурированности ситуации, к неопределенности (неясности или неоднозначности); 2) отношение к дистанциям власти (к подчинению, к послушанию, к превышению власти, к наличию сдерживающих факторов, к системе противовесов и пр.); 3) отношение к индивидуальным или групповым целям [См.: 10].

Аксиоматические основания кросскультурной теории Ф. Клакхона и Ф. Стробека включают три

положения: 1) существует лишь небольшое число общезначимых проблем; 2) решение проблем возможно лишь на основе небольшого набора вариантов; 3) решение проблем культурно специфично. В соответствии с первой аксиомой на основании большого эмпирического материала они вывели пять общих фундаментальных тем: сущность человека; отношения человека с окружающей средой; время в жизни человека; направления человеческой деятельности; отношения, связывающие людей между собой. В синергизме данные структуры составляют каждую культуру [См.: 9].

Кросскультурный подход к аргументации позволил логике стать коммуникативной, а риторике — логической дисциплиной. В частности, С. Тулмин и Х. Перельман, осуществляя ревизию теории аргументации, отмечали независимо друг от друга, что различные языки олицетворяют глубокие различия культур, поэтому они способны выражать одни и те же факты с помощью разных вербальных средств. Под влиянием концепции лингвистической относительности Э. Сепира и Б. Уорфа они привили теории аргументации идею культурной обусловленности способов языкового общения. Формы аргументации являются не только логическими, но и коммуникативными. Это означает, что оценками правильности языковых аргументов являются не только логические критерии, но и критерии культурной приемлемости [См.: 11, 12].

Личностные способы аргументации, являясь функциями психологического построения, отличаются друг от друга. Но их контакт порождает универсальные структуры, зафиксированные в современной риторике в качестве логико-когнитивных функций. Согласно Э. Левинасу, подобный функциональный универсализм очевиден по меньшей мере в одном отношении: «элиминации ненужного и акцентирования необходимого» [13, р. 59—74.].

Итак, многочисленные кросскультурные научные проекты подтверждают, что реализуемые в их рамках методологические подходы вполне соответствуют требованиям конструктивной логики. Конструктивность как свойство методологии означает наличие по меньшей мере аксиоматики кросскультурного исследования. Она включает базисные термины, принципы оперирования ими при построении формальных моделей и правила интерпретации формальных моделей, придающих им статус моделей объяснительного типа. Интерпретация — это вопросы онтологии и гносеологии.

Достоинства и недостатки любой методологии связаны, как правило, с формулировками онтологических и гносеологических оснований, но при

этом не учитывается их зависимость от решения логико-методологических проблем. Например, критики философской компаративистики отмечают неясность философского инструментария, отсутствие критериев для отбора персоналий и учений, включаемых в отношения сравнения. В результате остаются неясными предметные и функциональные аспекты корреляций. Недостаточно провозгласить предметом компаративного сравнения, допустим, природу мышления, истину и язык Нагарджуны и Г. Фреге. Необходимо четко зафиксировать границы онтологии и гносеологии, поддерживаемые логико-методологическим инструментарием рецепции.

Онтология и гносеология кросскультурного исследования предполагает определение объекта как фрагмента реальности и предмета как номологической структуры этой реальности. Объектом кросскультурных исследований является человек непосредственно в контексте его существования. Контекст существования — это культура и язык. Человек является продуктом культуры и существует на пересечении культур. Поэтому необходимым признаком объекта исследования становится учет факторов среды, которая формирует человека. Среда именуется как социальное или коммуникативное взаимодействие, как социальная экология, как национальная культура, как языковая онтология, как повседневная аргументация, как общественное мнение и пр.

Предметом кросскультурных исследований являются феномены, или структуры, которые познаются в определенном отношении (соотнесении), позволяющем зафиксировать специфику посредством установления различий и различия посредством установления специфики. Феномены, или структуры, являются одновременно схожими (постоянными) и различными (изменчивыми, или переменными) в зависимости от отношений, в которых они участвуют. Постоянные признаки или величины интерпретируются как общие (типические), переменные — как индивидуальные.

Переменные признаки могут быть зависимыми или независимыми от культурного контекста. Зависимость или независимость признака определяются функциональными отношениями, в которые он включен. В частности, представители разных культурных контекстов демонстрируют лингвистически-культурологическую зависимость, так как смысловые и предметные значения имен являются не постоянными, а переменными. Иллюстрацией может служить непригодность отдельных философских, политических и иных терминов для описания другой (чужой) реальности, что обусловлено культурным контекстом.

Реконструкция и определение объекта и предмета кросскультурного исследования связаны с реконструкцией и определением функционального отношения как контекста или ситуации. Под функциональным отношением в логике понимается функтор, устанавливающий связь между постоянными и переменными величинами. Именно наличие переменных величин придает отношению статус функции. Функция как формальная структура принимает значение после подстановки аргументов из заданной области — области подстановки.

Термин «отношение» в логической семантике рассматривается по меньшей мере в четырех значениях [см. 14, с. 202—218]:

1) логическое включение элемента в определенный класс (множество), или одноместный предикат. Например: «Ложь — истинностное значение» или « X есть истинностное значение»;

2) многоместный предикат, выражающий статистическую характеристику различия и тождества явлений. Например: «Ложь как истинностное значение фиксирует невозможность даже правдоподобности некоторого события, характеризую коммуникатора как неискреннего собеседника» или « X есть истинностное значение, которое фиксирует Y , характеризую при этом Z »;

3) взаимодействие между явлениями, которое включает как единство связи, так и изолированность. Например: «В классической логике между ложью и истиной нет промежуточных значений, в неклассической — есть» или «В X между Y и Z нет промежуточных значений, в не- X — есть»;

4) оценку, означающую присутствие наблюдателя. Например: «Если допрашиваемый отводит взгляд от собеседника и повторяет изложение событий заученными фразами, то его речь индексируется как ложь» или «Ложным является A (некоторое положение дел)».

Отношения как предмет кросскультурных исследований включают множество пересекающихся связей, обуславливающих характеристики и свойства самого предмета. Поэтому предмет кросскультурных исследований представляет собой функцию множества отношений и связей. При определении предмета исследования важно зафиксировать, в каком ключевом отношении он изучается. Это предполагает установление «определенного интервала абстракции потенциальной осуществимости» как проекции новой концептуальной сущности [15, с. 191], т. е. составление конечного списка элементов и отношений, или составление выборки.

«Локализация основы субстанции или субъективности, — подчеркивал Э. Левинас, — невоз-

можна без вовлечения ее в сеть отношений с другим или в цепь дифференцирования» [16, р. 43]. Например, «ложь» можно рассматривать как функцию истинности, как функцию характера или как функцию ситуативного общения. Отношением будет определяться конечное число выделенных свойств, выразимых конечным образом на языке логики одноместных предикатов. С каждым свойством соотносится определенная операция. Если исследователь не в состоянии редуцировать многоместные предикаты к системе предикатов одноместных, он может потерять нить исследования, «соскользнуть» в другое отношение.

Кросскультурные исследования как конструктивный процесс должны проводиться по строгим дискретным правилам в соответствии с инвариантами отношений рода и вида (общего и частного), целого и части. Их индикаторами выступают, соответственно, предикаты «быть элементом» и «быть частью» [См.: 17]. Критериями разграничения являются принципы абстрагирования — генеративный и холистический, а также способы обуславливания — принцип дедукции в первом случае и принцип соответствия (когерентности, конвенции, консонанса и пр.) во втором.

Отношение как взаимодействие — функционально. Это означает, что отношение представляет собой зависимость, в которой участвуют две или большее количество переменных, т. е. существуют бинарные и n -арные отношения. Само отношение является постоянной величиной. Отношение как функция является формализованной схемой, которая отображает связь между событиями, возникающую при определенных факторах — аргументах функции. Аргументами функции являются значения из заданной интерпретацией области, которые подставляются вместо переменных. Это одна сторона. С другой стороны, многообразие мира представляет собой бесконечное множество объектов, которые в одних отношениях постоянны, в других — переменны. В частности, вне культурного контекста причина является независимой переменной, следствие — зависимой. Функторы, фиксирующие отношения, являются логическими константами, имена и высказывания — переменными. Зависимость от языка и культуры они обретают в аргументации и коммуникации [18, с. 5—8].

Определение постоянных и переменных факторов отношения и их обоснование в кросскультурных исследованиях находятся также в функциональной зависимости от наблюдателя. Наблюдатель как «кроссированный субъект» (Ж. Лакан) всегда привносит в исследование личное. Кроссированным субъектом он становится под влиянием

культуры, в рамках которой осуществляется его становление и развитие. В результате разные исследователи в рамках одной культуры могут использовать различные семантические структуры для описания одного и того же явления. Выбор зависит от функционального отношения, задаваемого контекстом. Например, исследователь устанавливает, кем является собака Бетховен из известного кинофильма: элементом экосистемы или элементом социума. Он же решает, каким образом противоречивые требования природы и культуры порождают расщепление личности. По этой причине кросскультурные исследования несвободны от ложного или недостаточного обусловливания. Логические ошибки обусловливания являются следствием метафорических представлений о научной методологии, характерной для аналогового мышления, но не для мышления дигитального, оперирующего дискретными сущностями в непрерывных потоках информации и стремящегося управлять культурными различиями.

Реакцией на стремление управлять культурными различиями, преодолевая культурный шок и помехи в общении, стали теории кросскультурного менеджмента. Это стало началом объединения экономического и кибернетического подходов к проблеме управления, с одной стороны, и теорий ментального и логико-когнитивного моделирования, культурной лингвистики, аргументации и иных, с другой.

В рамках кросскультурного менеджмента раскрывается роль культурных факторов в двух плоскостях – в рамках отдельной организации и в интернациональных взаимодействиях. Культура рассматривается как организационный ресурс и как контекст бихевиоральных механизмов. Например, в рамках методологии кросскультурного менеджмента, разработанной Н. Холденом, культура рассматривается как объект когнитивного менеджмента и как важнейший организационно-поведенческий ресурс. «Кросс-культурный менеджмент – это менеджмент многих культур как внутри организации, так и в ее внешних связях» [19, с. 312]. При таком подходе культурное многообразие больше не считается источником различий, а обосновывается как неисчерпаемый и часто остающийся невостребованным ресурсный источник. Понимание и оценка культурной поливалентности становятся условием успеха в международном бизнесе, а кросскультурный менеджмент становится когнитивным менеджментом, или менеджментом знаний.

А. Риклин критически оценивает современные методики по менеджменту в кросскультурном диапазоне «нравственность – аморальность». Он ищет ответ на вопрос, каким образом можно ис-

пользовать макиавеллизм «в качестве учения об управлении, или о лидерстве, – вопреки или <...> благодаря его разрыву с традиционной политической этикой?» [20, с. 6]. В частности, он пишет: «Руководитель должен понимать, в какой мере он подчинен силе обстоятельств и в какой мере он может рассчитывать на свободу действий». При оценке <...> обстановки должны использоваться вопросы: «Насколько я связан обязательствами и обстоятельствами и как далеко я могу зайти в своей свободе?» [20, с. 40]. Для создания понимающей кросскультурной модели в менеджменте требуется реконструкция отношений. Фундаментальными для понимания являются следующие логические функции: 1) одноместный предикат «X есть сила обстоятельств»; 2) многоместный предикат с контекстуальными переменными « $\{(X1 \wedge X2 \wedge \dots \wedge Xn) \rightarrow \text{сила обстоятельств}\} \rightarrow \text{совокупность действий}$ »; 3) оценка как присутствие кроссированного субъекта, принимающего управленческое решение относительно «соотношения внутренних и внешних сил» [20, с. 37].

Аксиоматические основы кросскультурного, или когнитивного, менеджмента разработаны в логике пропозициональных установок и содержательно отображены в кроссовых моделях аргументации, построенных в соответствии с конечным числом необходимых свойств, например в пропозиционально-установочной модели Д. Вандервеке-на, мотивационной модели Э. Левинаса и в теории переговоров К. Селлиха и С. Джейн.

Согласно Д. Вандервекену, аргументация неотделима от пропозициональных установок, которые являются двойственными структурами: познавательными, составляя систему убеждений, и волевыми, составляя систему желаний. Аргумент согласуется с убеждением при условии его истинности. Аргумент согласуется с желанием при условии возможности его реализации. Д. Вандервекен формулирует постулат о минимальной рациональности агентов аргументации: адресант и адресат аргументации не могут быть совершенно рациональными или полностью иррациональными [21, с. 24–25].

В мотивационной модели аргументации Э. Левинаса управляющее воздействие на человека заключается в «производстве внушающих эффектов» или «объяснении, направленном на формирование смысла, необходимого Другому». Если первое заключается в «демагогической апелляции к низменным побуждениям человека», то второе – в преодолении «софистического нарциссизма, поддерживающего собственное настроение и желания, а не настроение или желания Другого». Приводимые аргументы должны, в соответствии

с кроссированными рамками, «вызывать и поддерживать такие желания, которые способны нейтрализовать противоположные настроения» [22, р. 19].

Согласно К. Селлиху и С. Джейн, «важнейший аспект кросскультурных коммуникаций – умелое использование силового влияния», т. е. соревновательности, настойчивости и давления. Кроссовые границы силового поля детерминированы способами аргументации. В частности, переговоры обретают профили конструктивности и дискуссионности либо конфликтности, доходящей до деструктивной агрессивности, и полемичности [23, с. 265–270].

Функциональным отношением, составляющим основу кроссовых моделей аргументации, является взаимодействие с Другим. Согласно Э. Левинасу, данное взаимодействие – это основной способ дифференциации в структуре мира, следовательно, необходимое условие реконструкции идентичности в общении. Например, если подобная реконструкция сопровождается непринятием иного в себе, то ее следствием становится ксенофобия. Ксенофобия как результат осознаваемого или неосознаваемого сравнения и последующего соперничества означает, что в Другом нет того, что есть в нас. Позволение сформировать себя ответом Другого имплицитно, согласно Э. Левинасу, преодоление ксенофобии и культурных различий [24, р. 34].

Таким образом, обзор кросскультурных научных проектов позволит разграничить аналоговые и конструктивные способы получения и верификации результатов кросскультурных исследований. Подобное размежевание подтверждает поворот в кросскультурных исследованиях от концептуального образа продвигаемой научной идеи (актуальной бесконечности) к инвариантной методологической модели (дискретной многомерности конструктивной логики). Конструктивная методология кросскультурных исследований исключает абстракцию актуальной бесконечности и фиксирует функциональное отношение, в пределах которого можно зафиксировать искомый смысл и значение и построить его объяснительную или понимающую модели. Функциональное отношение, задаваемое наблюдателем, устанавливает онтологические и гносеологические границы кросскультурного сущего, которое определяется иным, или различием.

Список цитированных источников

1. История современной зарубежной философии: Компаративистский подход. – 3-е изд. – СПб., 1998. – Т. 1.

2. Берков, В. Ф. Развитие и преподавание логики в Беларуси: История и современность / В. Ф. Берков, Я. С. Яскевич, А. А. Легчилин // Филос. науки. – 2013. – № 3. – С. 120–128.

3. Легчилин, А. А. Развитие логики в Беларуси / А. А. Легчилин // Историко-логические исследования: сб. науч. ст. – К., 2008. – С. 23–27.

4. Гардинер, Г. Культура, контекст и развитие / Г. Гардинер // Психология и культура. – СПб., 2003. – С. 174–358.

5. Шнайдерман, Б. Этнокультуральные аспекты общения / Б. Шнайдерман. – М., 1983.

6. Гуссерль, Э. Философия как строгая наука / Э. Гуссерль. – М., 1984.

7. Hall, S. The work of representation / S. Hall // Representation: cultural representation a. signifying practices. – London, 1997. – P. 13–74.

8. Структура личности. Моделирование «личности» с помощью НЛП и нейросемантики. – М., 2003.

9. Воробьев, В. В. Лингвокультурология. Теория и методы / В. В. Воробьев. – М., 1997.

10. Hofstede, Y. Cultures Consequences / Y. Hofstede. – Sage, 1984.

11. Perelman, Ch. De la temporalité comme caractèr de l'argumentation / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca // Rhétoriques. – Bruxelles, 1989. – P. 437–466.

12. Perelman Ch. Traité de l'argumentation: La Nouvelle rhétoriques / Ch. Perelman, L. Olbrechts-Tyteca. – Bruxelles, 1988.

13. Charlier, C. Levinas. L'utopia de l'humain / C. Charlier. – P., 1997. – P. 59–74.

14. Воробьева, С. В. Логика и коммуникация: пособие / С. В. Воробьева. – Минск, 2010.

15. Новоселов, М. М. Категория тождества и ее модели / М. М. Новоселов // Кибернетика и диалектика. – М., 1978.

16. Lévinas, E. Autrement qu'être ou au-delà de l'essence / E. Lévinas. – La Haye, 1974.

17. Кюнг, Г. Онтология и логический анализ языка / Г. Кюнг. – М., 1999.

18. Воробьева, С. В. Логические и кросскультурные постоянные в аргументации / С. В. Воробьева // Современная логика: Проблемы теории и истории: материалы XI междунар. науч. конф., Санкт-Петербург, 24–26 июня 2010 г. – СПб, 2010. – С. 5–8.

19. Холден, Н. Кросс-культурный менеджмент: Концепция когнитивного менеджмента / Н. Холден. – М., 2005.

20. Риклин, А. Никколо Макиавелли: Искусство властвовать / А. Риклин. – СПб., 2002.

21. Vanderveken, D. Truth, Attitudes and Propositional Identity // D. Vanderveken. // Современная логика: проблемы теории, истории и применения в науке: X общерос. науч. конф. – СПб, 2008. – С. 24–30.

22. Lévinas, E. Autrement que savoir / E. Lévinas. – P., 1988.

23. Селлих, К. Переговоры в международном бизнесе / К. Селлих, С. Джейн. – М., 2004. – С. 265–274.

24. Lévinas, E. Ethique et Infini. Dialogues avec Ph. Nemo / E. Lévinas. – Paris, 1982.

Дата поступления в редакцию: 21.04.2013.